

УДК 930.2

УЗЕНИНСКАЯ БИТВА (1724 г.): ПРЕДПОСЫЛКИ, ХОД, РЕЗУЛЬТАТЫ*

Л.А. Бобров, доктор исторических наук

Исторический период, охватывающий XVII – первую половину XVIII в., не случайно именуется в научной литературе «эпохой малого монгольского (ойратского) нашествия». Ойратские завоевания первой половины XVII в. нарушили традиционный баланс сил в Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии и создали новую военно-политическую реальность в Великой Степи. В первой половине XVII в. латная конница ойратов разгромила ногайцев, сокрушила объединенные монгольские и тибетские армии в Кукуноре и Центральном Тибете. В Средней Азии ойраты потеснили казахов и киргизов и захватили благодатное Семиречье. Вассальную зависимость от ойратов признали жители Южной Сибири: енисейские кыргызы, телеуты и их кыштымы. В конце XVII в. ойратские войска оккупировали населенный мусульманами Восточный Туркестан и нанесли в 1688–1690 гг. ряд поражений ополчениям халхаских Чингизидов.

На отнятых у тюрков, монголов и тибетцев землях появились новые ойратские государства – Калмыцкое ханство в Поволжье, Хошоутское ханство в Кукуноре и Джунгарское хунтайджийство в Восточном Казахстане, Западной Монголии, Кашгарии и Южной Сибири. Однако если

калмыки и кукунорские хошоуты достаточно быстро вошли в орбиту политического влияния соседних оседло-земледельческих империй, то Джунгария стала самостоятельным политическим субъектом и крупнейшим геополитическим игроком в Центральноазиатском регионе. Созданная на принципах централизации, модернизации и милитаризации «Последняя кочевая империя» оказалась исключительно агрессивной и жизнеспособной (Бобров, Худяков, 2008). «Джунгарские войны» стали главным военно-политическим событием в жизни многих народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XVII–первой половины XVIII в.

Основным объектом джунгарской экспансии на западном направлении являлись Казахские жузы (орды). Один из самых драматических эпизодов джунгаро-казахского противостояния относится к первой половине 20-х гг. XVIII в. В этот период ойратские лавы прорвались к богатым присырдарьинским городам. За короткое время пали Ташкент и столица казахских ханов г. Туркестан. Ойратские знамена с изображениями грозных Махакал поднялись над Ходжентом и Сайрамом (Ерофеева, 2007, с.162). Параллельно с захватом городов «вилаята Туркестан» джунгарские вое-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-4281.2012.6.

начальники развернули масштабное наступление в степях Юго-Восточного Казахстана. Джунгарский удар рассек надвое казахские кочевья и привел в движение все три жуза. Сотни тысяч номадов снялись с традиционных мест обитания и в панике бежали от наступающих джунгарских армий. Часть казахов и союзных им киргизов стремительно отступала на юг и запад к Ходженту и Хиве, другая группа казахов, а также племена каракалпаков двинулись на север к границам России. Это время осталось в истории казахского народа как «Время великого бедствия» («Актабаншубрынды»).

«Южной группе» мигрантов не удалось остановить джунгарский натиск. Пытаясь оторваться от висевших за спиной джунгарских армий, казахские и киргизские беженцы перешли Сырдарью, сбили местные узбекские гарнизоны и наводнили оазисы Мавераннахра. Роды Старшего жуза, оставив за спиной Ташкент, прорвались к Ходженту, району Каратегина и Ферганы. Часть казахов Среднего жуза закрепилась в окрестностях древнего Самарканда. Роды Младшего вплотную подошли к Хиве и Бухаре (Ерофеева, 2007, с.164). Приход десятков тысяч кочевников вместе с миллионными стадами скота привел богатый край к масштабной экономической и экологической катастрофе (там же).

«Северная» группа мигрантов, состоявшая из казахов и каракалпаков, в это время упорно продвигалась на север и северо-запад к границам владений степных вассалов Российской империи – яицких казаков, башкир и ближайших родственников джунгар – волжских калмыков.

Фактически джунгары в очередной раз запустили древний механизм «переселения народов», когда, спасаясь от натиска завоевателей, племена-беженцы уходили с привычных мест и занимали земли более слабых сосе-

дей, в свою очередь вынужденных искать себе новую родину. На этот раз роль мигрантов выпала казахам, а объектом вторжения должны были стать подконтрольные калмыкам степи Волго-Яицкого междуречья. По мере того, как новые и новые казахские роды выходили к берегам Яика, становилась очевидной неизбежность прямого казахско-калмыцкого военного столкновения.

Причин для начала масштабной войны с калмыками у казахов было предостаточно. Во-первых, существовала потенциальная угроза военного союза джунгар и калмыков, направленного против казахов и каракалпаков. В этом случае казахи и их союзники оказывались зажаты между джунгарским «молотом» и калмыцкой «наковальней». Военный разгром калмыцкой армии мог стать эффективной превентивной мерой, направленной на предотвращение синхронного нападения западных и восточных ойратов. Вторая причина была более прозаична. В ходе грандиозных перекочевок из Юго-Восточного Казахстана к Яику погибло большое количество скота. Компенсировать потери можно было путем захвата верблюдов, овец, коров и лошадей у калмыков и башкир. Во многом поэтому казахско-калмыцкие и казахско-башкирские войны 20-х гг. XVIII в. в значительной степени превратились в грандиозную «внешнюю барымту», в которой принимали участие не десятки и сотни, а тысячи и десятки тысяч воинов. Наконец, третья задача имела стратегическое значение. В 1723–1724 гг. еще никто не мог знать, как долго продлится оккупация джунгарами земель Южного и Восточного Казахстана. Степи Волго-Яицкого междуречья могли стать второй родиной для прикочевавших на северо-запад казахов и каракалпаков.

Казахское вторжение представляло собой значительную угрозу для кал-

мыков. Раздираемое междоусобицами ханство не было готово к большой войне с казахами. Однако попытка урегулировать проблему мирным путем в ходе переговоров летом 1723 г. закончилась безрезультатно. Абулхаир-хан прямо заявил калмыцким посланцам, что он «идет...воеватца с калмыками и с русскими». Свою решимость казахи подтвердили тем, что убили трех и пленили семерых калмыцких послов (История Казахстана..., 2005, с.308).

Время для начала боевых действий было выбрано казахскими правителями весьма удачно. Калмыцкие тайши Волжского Правобережья вступили в кровопролитную борьбу за ханский престол и не могли оказать масштабной поддержки своим сородичам, кочевавшим у Яика и на «луговом» берегу Волги. Российские регулярные части, расквартированные в Саратове и Астрахани, были малоэффективны в маневренной степной войне, а некоторые гарнизоны пограничных городов (например, Гурьева) и вовсе не имели конницы (Материалы по истории..., 1935, с.179). Российская полевая (кошная) артиллерия в регионе была малочисленна и не приспособлена для транспортировки по степному бездорожью¹. Яицкие казаки сами страдали от казахских набегов (История Казахстана..., 2005, с.295–299), а в Башкирии было неспокойно со времен Алдыровского восстания 1705–1711 гг. Фактически калмыцкий владетель Доржи-Назаров, кочевавший у Яика и на левом берегу Волги, мог рассчитывать только на собственные силы, а также на отряды своего сына Лубжи и некоторых соседних калмыцких феодалов. Ойратские князья Волго-Яицкого междуречья стояли перед непростым выбором – оставить свои кочевья и отойти под защиту русских крепостей, или дать казахам и каракалпам генеральный бой в степи.

Вплоть до лета 1724 г. калмыки пытались придерживаться оборонительной стратегии, тем более что натиск казахов постоянно усиливался. Летом 1723 г. 15-тысячная армия Абулхаир-хана подошла вплотную к калмыцким владениям, а 5 тысяч казахов и каракалпаков «перелезли реку Яик» и «разорили» улусы Лекбея (История Казахстана..., 2005, с. 309, 310). В январе и апреле 1724 г. каракалпаки дважды атаковали калмыцкие кибитки, укрывшиеся под стенами г. Гурьева. Во время второго набега они даже ворвались внутрь калмыцкого лагеря. И хотя оба раза российская артиллерия заставляла каракалпаков отступать (Материалы по истории..., 1935, с. 178, 179), находиться постоянно под стенами российских крепостей калмыки не могли, скот просто бы погиб от бескормицы. Нужно было либо уходить в сторону Волги, либо дать казахам и каракалпам решительный бой. И вновь калмыки решили отступить.

Доржи-Назаров, Хошот-Дондок и Лекбей покинули берега Яика и двинулись к Красному Яру. Однако и эта мера не уберегла калмыков от нового казахского вторжения. В конце зимы – начале весны 1724 г. казахско-каракалпакская армия, насчитывавшая 10–13 тысяч всадников во главе с Абулхаиром, обрушилась на улус сына Доржи-Назарова Лубжи, который кочевал на луговой стороне Волги. В результате набега казахи и каракалпаки захватили в плен, по разным данным, от 50 до 400 калмыков. Барымтачи отогнали 500–600 верблюдов, 3 тыс. коров и 8–10 тыс. овец. В ходе стычек калмыкам удалось убить около 40 барымтачей, а 15 человек взяли в плен (История Казахстана..., 2005, с. 311).

Таким образом, сугубо оборонительная стратегия, выбранная калмыками летом 1723 г., продемонстриро-

вала свою полную несостоятельность. Заяицкие степи превратились в плацдарм для казахских и каракалпакских армий. Весенний набег Абулхаира со всей наглядностью показал уязвимость калмыцких кочевий не только на берегах Яика, но и на луговой стороне Волги. Упаднические настроения захлестнули даже ближайших родственников Доржи-Назарова. Его сын – Лубжи стал настойчиво требовать от российских властей перевести его на правый берег Волги и выслать для защиты от казахов 2 тыс. драгун и 6 пушек (там же). Фактически речь шла о том, чтобы полностью очистить Левобережье Волги и передать его под контроль казахов и каракалпаков. Этого Доржи-Назаров допустить не мог. Для влиятельного калмыцкого феодала, которого российское правительство рассматривало в качестве основного кандидата на ханский трон, потеря богатых пастбищ на луговом берегу Волги означала бы крах политических амбиций и экономического благополучия его семьи. Доржи-Назаров принял решение дать казахам генеральное сражение в поле.

Начало боевым действиям было положено летом 1724 г. Для войны с казахами Доржи-Назаров собрал все наличные силы. Отдельные отряды прислали некоторые соседние калмыцкие владельцы. В войска поступило новое «секретное оружие» – пушки. Отказом от борьбы за ханский престол Доржи-Назаров обеспечил себе надежный тыл со стороны соперничающих калмыцких феодалов Правобережья Волги и смог сосредоточиться на военной кампании против казахов и каракалпаков (История Калмыкии..., 2009, с. 386, 387).

Калмыцкая разведка, посланная за Яик, показала, что казахов и каракалпаков «зело много». Опасаясь, что казахи, совершив обходной маневр, могут напасть на практически безза-

щитные (после выступления армии в поход) калмыцкие улусы, Доржи-Назаров отправил женщин и детей к Волге, под защиту охранных отрядов и российских войск. В это же время калмыцкая конница (18 тыс. чел.), разделившись на три колонны, под общим командованием Лубжи вышла в степь, чтобы «неприятеля своего встретить и с ним бой дать». Калмыки отнюдь не были уверены в успехе, так как за год до этого Абулхаир-хан обещал двинуть в поход на Калмыкию 40-тысячную казахско-каракалпакскую армию. В случае поражения Доржи-Назаров предполагал отступить к Саратову, где рассчитывал «получить себе помощь» со стороны российских войск (История Казахстана..., 2005, с. 308, 312).

В начале августа калмыцкий разведывательный отряд военачальника Зубака (100 чел.), переправившись через Яик, неожиданно напал на каракалпаков и, захватив «языков», начал стремительно отступать к основным силам. Каракалпакам удалось настичь калмыков и дать им бой, однако основной части разведывательного отряда удалось ускользнуть из западни. Согласно добытым сведениям объединенная казахско-каракалпакская армия, собиравшаяся переправляться через Яик, насчитывала только около 10 тыс. чел. (Материалы по истории..., 1935, с. 180). Таким образом, собранных калмыцких войск было вполне достаточно, чтобы отразить казахское вторжение. Это, видимо, поняли и казахские полководцы, которые отложили масштабное наступление и сделали ставку на внезапность. В качестве основного объекта атаки был выбран улус командующего калмыцкой армией Лубжи (сына Доржи-Назарова).

21 августа 1724 г. отборный казахско-каракалпакский отряд военачальника Исета (Есета) Кулубая (1667–

1749), «объехав караулы», напал на спящих воинов Лубжи. Удар был настолько неожиданным, что сам Лубжи «с трудом спасся и ушел». Казахи «побрав немалое число людей и скота, пошли назад». Однако Лубжи, вместе с давним противником казахов – хошоутским владельцем Лекбеом, удалось собрать своих воинов и настигнуть отряд барымтачей в урочище Узени (Материалы по истории..., 1935, с. 183).

Источниковая база о сражении в урочище Узени отличается значительным разнообразием. Письменные источники представлены сообщениями калмыцких воинов и военачальников, принимавших участие в сражении, показаниями пленных казахов и каракалпаков. Кроме того, сведения о сражении были систематизированы астраханским губернатором А.П. Вольнским, в специальном «доношении» 28 августа 1724 г., и В.М. Бакуниным в 1761 г. Информацию об особенностях вооружения и тактики калмыков, казахов и каракалпаков дает комплексный анализ вещественных, письменных и изобразительных источников. Несмотря на наличие широкой источниковой базы, Узенинское сражение ни разу не становилось объектом специального военно-исторического исследования.

Прежде чем приступить к реконструкции хода сражения, необходимо коротко остановиться на силах противоборствующих сторон.

Согласно показаниям пленных казахов и каракалпакских воинов, отряд Исета Кулубая был набран из числа подданных хана Среднего жуза Семеке и правителя Младшего жуза Абулхайра. Всего отряд насчитывал около 750 воинов². В том числе: казахов (около 200 чел.), каракалпаков (около 500 чел.) и несколько десятков башкир (История Казахстана..., 2005, с. 314–317).

Для участия в заграничном набеге («внешней барымте») традиционно отбирались лучшие молодые воины³. К барымтачам охотно присоединялись представители знати со своими дружинниками-теленгитами, профессиональные воины-батыры и старшины. Несмотря на численное преобладание в отряде Кулубая каракалпакских воинов, командование было возложено на казахских военачальников. В рассматриваемый период каракалпаки занимали подчиненное положение по отношению к казахским правителям, которые охотно привлекали каракалпакских воинов к своим военным предприятиям. На момент сражения командиру казахско-каракалпакского отряда И. Кулубая было уже 57 лет. Он являлся старшиной рода тама поколения жетыру и входил в число ближайших сподвижников хана Абулхайра (История Казахстана..., 2005, с. 392). Это был опытный военачальник, неоднократно водивший казахские войска в военные походы. Судя по ходу военной кампании, он собирался повторить успешные военные набеги казахов 1723 – весны 1724 гг., разгромить улус Лубжи Назарова и отступить в степь. Ставка была сделана на внезапность нападения.

Основную атакующую роль в ходе сражения казахские полководцы XVIII в. отводили массам конницы, вооруженной саадаками, длиннодревковым, ударным, ударно-рубящим и клинковым оружием. Наиболее популярным оружием ближнего боя среди рядовых воинов были длинные кавалерийские пики. При их изготовлении использовалось небольшое количество железа, которое в ряде районов казахской степи являлось дефицитным товаром. Самые бедные ополченцы вооружались пиками без железного наконечника. Древяк таких деревянных пик заострялось на конце и обжигалось на огне. В рукопашном бою

казахи активно использовали дубины и булавы. Весьма популярны были боевые топоры на длинных рукоятях. Широкое использование казахами боевых топоров существенно отличало их комплекс вооружения от комплексов вооружения их западных (туркмены) и восточных (монголы) кочевых соседей. В рукопашной схватке применялись длинные кинжалы и ножи. Длинноклинковое оружие (сабли, палаши) использовали преимущественно состоятельные воины. Значительная (если не большая) часть сабель поступала в казахские степи из городов Мавераннахра (Бобров, 2012б).

Вопреки расхожему мнению, казахи в рассматриваемый период активно применяли огнестрельное оружие. Русские посланцы называют казахские ружья «фузеями» на европейский манер. Однако в реальности большая часть ружей номадов Дашт-и Кипчак была представлена изделиями среднеазиатских мастеров (Бобров, 2012а). Абсолютно преобладающей разновидностью огнестрельного оружия были ружья с фитильным замком «азиатского типа» (S-образный курок упрятан в толщу ложа). Такие ружья можно было применять преимущественно в сухую погоду и в спешном положении. «Ружейные сумки» («киса») и мешочки для пуль («окшынтай») казахские воины обычно носили на поясе. Чтобы повысить темп стрельбы, отмеренные порции пороха сыпались в специальные костяные, роговые, деревянные или металлические мерки, которые «гроздьями» крепились к специальной веревке или кожаному ремешку (там же). Такие «азиатские бандельеры» («биратар») казахские воины нередко подвешивали на шею таким образом, чтобы мерки располагались на животе и груди.

Перед атакой казахские лавы разворачивались в степи, формируя отря-

ды по родовому признаку. Каждый отряд атаковал противника, выкрикивая родовой боевой клич-«уран». Во главе каждого рода в бой устремлялись лучшие бойцы- «батыры» и просто зажиточные ополченцы, облаченные в кольчатые, кольчато-пластинчатые или стеганные панцири. Головы некоторых из них защищали железные шлемы с бармицами и мисюрки. На более богатые воины могли покрывать кольчатой броней и своих боевых коней. Батыры были вооружены саадаками, пиками, топорами, булавами, саблями. Фитильные ружья в момент конной атаки забрасывались за спину. Шлемы и пики батыров и старшин снабжались специальными матерчатыми значками, шелковыми или волосяными кистями, на которые ополченцы ориентировались во время сражения. Боевые наголовья батыров-командиров отрядов украшали перья филина, а на их копьях вились цветные флажки (Бобров, 2012в; Бобров, Белоусова, 2012). Основная масса ополченцев не имела доспехов. Их главным оружием были саадаки, пики, топоры и палицы.

Незадолго до рукопашной схватки на противника обрушивался ливень стрел, после чего казахские воины врубались в его ряды. Первый удар наносили длинными копьями и пиками, стараясь выбить противника из седла. Затем в дело шли тяжелые палицы, дубины и топоры на длинных рукоятях, которые казахские всадники обрушивали на головы и плечи вражеских воинов, шеи и крупы их боевых коней. Конные казахские секироносцы и воины, вооруженные ударным оружием, были опасным противником как для дружинников и ополченцев правителей Мавераннахра, так и для гордых центральноазиатских нукеров. Мощный удар булав и палиц сминал железные шлемы, дробил кости и черепа. Удачный удар

боевым топором корежил и прорубал кольчато-пластинчатые «бехтерцы» бухарских панцирников и пластинчатые «хуяги» монгольских латников.

Несущаяся по степи под рев родовых уранов волна всадников, над которой реял лес косматых бунчуков и родовых знамен, производила на современников неизгладимое впечатление. Если в этот момент противник начинал паниковать, атака казахов нередко оказывалась успешной. Однако, если первый натиск казахов удавалось сдержать, то последние предпочитали отойти (Бобров, 2009а, с. 83, 84, 87). Нехватка защитного вооружения делала казахские и каракалпакские отряды уязвимыми в продолжительном столкновении с панцирной конницей противника, поэтому казахи, отражая конную атаку, нередко спешили и «садились в осаду», укрывшись за спинами стреноженных коней и верблюдов (Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 146, 146; Бобров, 2012а). Взять такой «живой вагенбург», обороняемый пешими стрелками, штурмом было крайне сложно. Недаром Доржи-Назаров, хорошо изучивший воинские приемы своих соседей, писал губернатору А.П. Вольнскому: «...сии каракалпаки и киргиз-касаки на лошадях биться плохи, а пеши-крепки» (История Казахстана..., 2005, с. 312). Отразив ружейным огнем атаку врага, барымтачи могли продолжить движение в родные улусы, заключить мир, либо прорваться из окружения, в конном строю бросив трофеи (Бобров, 2012а).

Противостоявшая казахам калмыцкая армия состояла преимущественно из дружин и ополчений феодалов Волго-Яицкого междуречья. Точная численность калмыцких войск, участвовавших в сражении, неизвестна. Летом 1724 г. Доржи-Назаров вместе с союзными владельцами смог выставить 18-тысячную армию. Однако ма-

ловероятно, что все три летних месяца эти войска находились в порубежных степях. Часть отрядов покинула театр боевых действий к августу 1724 г. Другие были рассредоточены по военным лагерям и улусам, в непосредственной близости от границы. Судя по ходу сражения, численность воинов в улусе Лубжи была сопоставима с отрядом воинов Кулубая. Объединенный корпус Лубжи и Лекбея, отправившийся в погоню за барымтачами, уже превышал по численности казахско-каракалпакский отряд и насчитывал, вероятно, более тысячи воинов. Силы калмыков еще более возросли после того, как на помощь сыну подошел отряд Доржи-Назарова. На заключительном этапе сражения численное превосходство калмыков над казахско-каракалпакским отрядом было весьма значительным.

Во главе калмыцких отрядов стояли видные ойратские правители и военачальники: крупнейший калмыцкий феодал волжского Левобережья Доржи-Назаров, его сын Лубжи и хошоутский «владелец» Лекбей. Их улусы прикрывали основные калмыцкие кочевья с востока и регулярно подвергались казахским набегам. Поэтому калмыцкие полководцы хорошо знали тактические приемы и военные хитрости своего противника.

В XVII в. волжские калмыки являлись носителями «центральноазиатской» военно-культурной традиции в степях Восточной Европы. Их оружейный комплекс и тактические приемы имели принципиальные отличия от вооружения и тактики местных тюркоязычных кочевников. Если крымские и ногайские военачальники делали ставку на быстрые рейды легковооруженной конницы и дистанционный бой с использованием саадаков, то ключевым приемом ойратских полководцев были массивная конная атака и рукопашная схватка.

Главной ударной силой калмыков в этот период была массовая панцирная («куяшная») конница, действовавшая в плотном шереножном строю, который современники-европейцы сравнивали со строем «крылатых» польских гусар. После обстрела противника из луков «куяшники» устремились в копейную атаку, прорывали вражеские построения и довершали разгром саблями и палашами (Бобров, Худяков, 2008, с. 567–570; Бобров, 2009б, с. 83–94). Для повышения ударной силы атакующих отрядов монгольские и ойратские полководцы стали массово снабжать копьями и пиками не только панцирников (как это было в период раннего и развитого средневековья), но и легковооруженных воинов. В результате на полях сражений появилась новая разновидность кавалерии – легковооруженная копейная конница⁴.

Когда ойратская армия, организованная и оснащенная по центральноазиатскому образцу, вторглась в ногайские земли, оказалось, что, как и во времена гуннов, древних тюрков и монголов, местным кочевникам нечего противопоставить захватчикам с востока. Ойраты не уступали ногайцам ни в мощи боевых луков, ни в скорости коней, зато превосходили их в сфере защитного вооружения и тактике ведения ближнего боя. Ойратская «копийная и куюшная» атака стала полной неожиданностью для ногайских полководцев. Русские служилые люди сообщали в Москву о невозможности легкой ногайской конницы противостоять «куяшным» клиньям ойратов: «...а им де, государь, ногайским людем они, калмыцкие люди, страшны гораздо, и противих не стаивали они нигде и биться с ними не умеют».

Переселение части ойратов на берега Волги не могло не сказаться на трансформации их военного искусства применительно к новым эконо-

мическим и политическим реалиям. Ввиду дефицита железа число конных латников в калмыцких войсках постепенно снижалось. В XVIII в. резко возросло значение импорта защитного вооружения и сабель с территории Северного Кавказа и Ирана. Во второй половине того же столетия калмыцкая «одоспешенная» знать по своему внешнему виду уже практически не отличалась от представителей «мусульманской» аристократии региона. Импортные доспехи стоили дорого, поэтому рядовые калмыцкие воины в XVIII в. все чаще выходили на бой в «мягких» панцирях, а то и вовсе без защитного вооружения. В момент Узенинской битвы летом 1724 г. в калмыцких войсках применялись как пластинчато-нашивные «куяки», клепаные шлемы, пики и палаши центральноазиатского образца, так и кольчатые панцири, мисюрки и сабли восточноевропейского, иранского, северо-кавказского и среднеазиатского производства. В конце XVII в. калмыки, одними из первых среди кочевых народов Евразии, наладили массовое производство ружей в степных условиях (Бобров, 2009б, с. 94). В начале 20-х гг. XVIII в. они начали изготавливать и легкие малокалиберные пушки, которые перевозили на верблюдах (Бобров, 2009, с. 98). Опробовать новый вид оружия калмыки смогли именно в Узенинской битве⁵.

Комплексный анализ источников позволяет реконструировать ход Узенинского сражения следующим образом. Неожиданное нападение на улус Лубжи 21 августа 1724 г. позволило барымтачам захватить пленных и большое количество скота. Желание пригнать в родные кочевья как можно больше живых трофеев существенно тормозило движение отряда Исета Кулубая. Калмыки же, напротив, действовали очень быстро и решительно. Большую роль сыграл тот факт, что

калмыцкие отряды находились недалеко друг от друга и смогли оперативно прийти на помощь Лубжи.

Первым на подмогу молодому тайше, во главе отряда хошоутов, ринулся Лекбей, горевший желанием отомстить казахам за разорение своего улуса летом прошлого 1723 г. Загоняя коней, гонцы Лубжи прибыли и в ставку Доржи-Назарова. Тот немедленно выступил на подмогу своему сыну во главе большого конного корпуса и каравана верблюдов, груженных легкими пушками. Старый калмыцкий правитель не мог точно знать, какими силами располагает противник, напавший на калмыцкие улусы, поэтому специальный гонец был срочно направлен в Астрахань к российскому губернатору А.П. Волынскому. В письме, привезенном посланцем Замянгом уже 22 августа 1724 г. (!), Доржи-Назаров настойчиво просил губернатора: «...чтобы для штурмования оных каракалпаков прислать к нему, Дорже, из Саратова пушек и войск» (История Казахстана..., 2005, с. 98). Таким образом, против небольшого отряда И. Колубая были брошены конные торгоутские и хошоутские сотни Лубжи и Лекбея. За их спиной разворачивался корпус Доржи-Назарова, а в случае необходимости поддержку калмыкам должны были оказать регулярные войска Российской империи⁶. Этим сил было более чем достаточно, чтобы разгромить хотя и хорошо вооруженный, но немногочисленный казахско-каракалпакско-башкирский отряд. 21 или 22 августа конница Лубжи и Лекбея настигла барымтачей...

К сожалению, установить точное место битвы в настоящее время пока не представляется возможным. Ввиду того, что начальный и заключительный этапы сражения представляли собой динамичные конные схватки, речь может идти не о конкретном поле, а о

районе сражения, в центре которого находилось урочище Узени. Битву открыла схватка кавалерийских отрядов. Движение казахов и каракалпаков замедляли пленные и захваченный скот. Оторваться от преследователей можно было, лишь бросив захваченную «великую добычу» (Бакунин, 1997, с. 42). Однако это означало провал предпринятого набега, поэтому казахские военачальники продолжали удерживать пленных и упорно продвигались к Яику, отбиваясь от нападающих калмыков. Низкая скорость движения барымтачей позволила ойратской коннице нагнать Исета Кулубая, блокировать его отряд и навязать тюркам бой. В конечном счете, перевес в конной рубке оказался на стороне калмыков, которые были лучше оснащены защитным вооружением. Казахи, по всей видимости, были вынуждены применить свой традиционный прием «сесть в осаду». Для этого было необходимо стреножить лошадей и верблюдов, положить их на землю, образовав огромный круг, в центр которого сгонялись пленные и захваченный скот. За спинами лошадей и верблюдов укрывались ружейные стрелки и лучники. Любой, кто попытался бы атаковать казахов, должен был вначале преодолеть открытое, простреливаемое пулями и стрелами пространство шириной около 100 м, затем перелезть «вал» в виде сотен убитых и живых лошадей и верблюдов и только после этого сойтись в рукопашной с хорошо вооруженными барымтачами (Бобров, 2012а). Попытаться взять штурмом свернувшийся «в клубок» отряд барымтачей значило пойти на большие жертвы. Это прекрасно понимали как калмыцкие, так и казахские военачальники. «Живая крепость» не раз спасала казахские войска от поражения, но в этот раз оборонительная тактика сыграла роковую роль для казахской армии.

Казахские полководцы недооценили готовность калмыков дать решительное сражение, а главное, Исет Кулубай и его соратники, конечно же, не могли предугадать появление у калмыков «чудо-оружия», способного на расстоянии разрушить «живую крепость». 22 или 23 августа к калмыцким войскам, осаждавшим барымтачей, подошли главные силы ойратов вместе с самим Доржи-Назаровым. После этого численное превосходство калмыков стало подавляющим. Однако решающее значение имел тот факт, что вместе с отрядом Назарова прибыли груженные пушками верблюды.

Появление на поле боя артиллерии резко изменило рисунок всего сражения. Теперь калмыки могли планомерно с дальнего расстояния расстреливать («штурмовать из пушек») казахские позиции, не опасаясь стрел и ружейных пуль барымтачей. Кроме того, по данным В.М. Бакунина, ойраты не только обстреливали казахов из орудий, но и штурмовали («доставали приступом») позиции казахов (Бакунин, 1997, с. 43). «Живая крепость» из надежного укрепления превратилась в ловушку для отряда Исета Кулубая.

Шансов уцелеть под пушечным огнем у барымтачей не было и казахские военачальники приняли единственно возможное решение, бросив трофеи, раненых лошадей и верблюдов, они повели конные казахские и каракалпакские сотни на прорыв («побежали на побег»). Если бы союзники попытались пробиться из окружения в самом начале битвы, до подхода Доржи-Назарова, они, возможно, и сумели бы вырваться из западни, однако теперь калмыки надежно блокировали пути отступления из урочища. Началась резня. Вырваться из кольца удалось немногим. В погоню за беглецами устремилась калмыцкая конница. Практически весь отряд союзников был

уничтожен. По сообщениям современников, в ходе сражения и преследования были убиты около 750 казахских, каракалпакских и башкирских воинов. Несколько человек попало в плен. По калмыцким данным, спастись удалось только троим барымтачам. Среди них был и командир отряда – Исет Кулубай (История Казахстана..., 2005, с. 392).

Цельную картину сражения, составленную на основании свидетельств современников сражения, дал в 1761 г. известный российский исследователь В.М. Бакунин: «...киргиз-касака на Лубжин улус напададо 757 человек, которых Лубжа с войсками своими, догнав, атаковал в урочище Узенях, куда и Доржи с войсками своими приспел, и, соединясь, их, киргисцов, доставали приступом и из пушек своих по ним стреляли, и так многих из них побили и несколько взяли живых, и только из них ушло три человека; и при том прислан к Волынскому в подарок один взятый киргис-касака...» (Бакунин, 1995, с. 43).

Судя по сведениям письменных источников, главная причина поражения казахов и каракалпаков крылась в том, что союзники не смогли верно оценить военные возможности калмыков. Вместо того, чтобы бросить трофеи и уходить от преследователей, казахские военачальники приняли решение дать оборонительный бой превосходящим силам противника и тем самым обрекли отряд на почти полное уничтожение. Калмыки, напротив, проявили себя с лучшей стороны, быстро сконцентрировав отряды на направлении главного удара. «Пропав» атаку казахов на свой улус, Лубжи Назаров сумел тем не менее быстро собрать свои силы в единый кулак, настичнуть и заблокировать барымтачей. Важную роль в победе калмыков сыграли пушки, доставленные к месту битвы Доржи-Назаровым.

После подсчета убитых и пленных барымтачей калмыцкий лагерь захлестнула волна эйфории. Сражение в урочище Узени было первой большой победой калмыков над казахами и каракалпаками с начала 20-х гг. XVIII в. Особый вес военному триумфу ойратов придавал тот факт, что она была достигнута без помощи регулярных российских войск и русской артиллерии. Упоенный победой, которой, по выражению А.П. Волынского, «у калмык над каракалпаками никогда не бывало», ойратский военачальник, наряду с пленными, прислал «в презент» астраханскому губернатору кровавый «подарок» – 415 правых ушей, отрезанных у убитых казахских и каракалпакских воинов (История Казахстана..., 2005, с. 346, 347; Материалы по истории..., 1935, с. 179–183).

Данный способ подсчета потерь противника практиковался кочевниками Центральной Азии в эпоху Великих Монгольских завоеваний. Для калмыков в целом он был не характерен. Обрезание ушей у поверженных врагов в Узенинской битве было, вероятно, вызвано ощущением военного триумфа, достигнутого малой кровью, а также желанием калмыцких военачальников продемонстрировать мощь ойратского оружия своим российским союзникам и сюзеренам.

Обращает на себя внимание разница между декларируемым числом убитых казахских воинов (около 750 чел.) и количеством отрезанных ушей (415). Возможно, общее число убитых казахов и каракалпаков преувеличено калмыками. Однако не менее вероятно, что калмыки отрезали уши только у тех вражеских воинов, которые

погибли во время сражения в «живой крепости» и непосредственно вокруг нее. Трупы казахов и каракалпаков, погибших в ходе кавалерийской схватки и во время преследования, вдали от «вагенбурга», не были изуродованы победителями.

Сражение в урочище Узени имело важные военные и политические последствия. Новая калмыцкая тактика борьбы с казахами, основанная на сочетании действий конницы с мобильной «верблюжьей артиллерией», продемонстрировала свою эффективность и впоследствии активно применялась калмыками во второй половине 20–40-х гг. XVIII в. Узенинский разгром сократил военный потенциал казахской армии и наглядно показал, что захват калмыцких земель, даже в условиях отсутствия единства среди калмыцкой знати, является весьма не легким делом. Вероятно, это повлияло на решение Абулхаира перенести острие грядущей военной кампании 1725 г. с «калмыцкого» на «джунгарский» театр боевых действий. Сложно согласиться с теми современными исследователями, которые считают, что боевые действия 1723–1724 гг. в Волго-Яицком междуречье предотвратили угрозу джунгаро-калмыцкого союза и сняли опасность калмыцкого вторжения в казахские владения. Напротив, после летней кампании 1724 г. казахи были вынуждены временно перейти к обороне, а калмыцкая стратегия в 1725–1726 гг. была синхронизирована с действиями джунгарских армий и носила, преимущественно, наступательный характер (История Казахстана..., 2005, с. 348, 349). Однако решающие битвы Казахско-калмыцкой войны были еще впереди...

Список литературы и источников

1. Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. – 153 с.

2. *Бобров Л.А.* «И напали на них с копы жестоко...». Сражение на р. Аягуз (1717): предпосылки, ход, результаты // *Para-Bellum*. 2009а. № 31. С. 67–104.
3. *Бобров Л.А.* Военное дело калмыков и его эволюция в XVII–XVIII веках // *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней*. – Элиста: Изд. дом «Герел», 2009б. Т. 3. С. 83–103.
4. *Бобров Л.А.* Казахская тактика ведения боя в пешем строю в последней трети XVI – середине XIX вв. // *Война и оружие. Новые исследования и материалы*. Ч.1. СПб.: «ВИМАИВиВС», 2012а. С. 105–135.
5. *Бобров Л.А.* Источники поступления сабель в казахские войска XVIII – середины XIX вв. // *Военное дело Улуса Джучи и его наследников*. – Астана: «Абди-компани», 2012б. – С. 210–230.
6. *Бобров Л.А.* Казахские копейные значки эпохи позднего средневековья и раннего Нового времени // *История и культура средневековых народов степной Евразии*. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2012в. – С. 103–107.
7. *Бобров Л.А., Белоусова Н.Е.* Воинские плюмажи казахов XVII – середины XIX в. // *История и культура средневековых народов степной Евразии*. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2012. – С. 107–113.
8. *Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее средневековье и Новое время: учеб. – Новосибирск: НГУ, 2010. – 288 с.
9. *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
10. *Ерофеева И.В.* Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 456 с.
11. *История Казахстана* в русских источниках XVI–XX вв. – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. Т. 2. Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. о народах Казахстана. – 445 с.
12. *История Калмыкии* с древнейших времен до наших дней. – Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. – Т.1. – 840 с.
13. *Материалы по истории каракалпаков* (печатные и рукописные исторические известия о каракалпаках на русском языке). – М.; Л., 1935. – Т. 7. – 289 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В самый разгар военной кампании 1724 г. при губернаторе Волынском в Саратове находилось только 2 роты драгун и 200 казаков, «...а пушек полковых и одной не было» (Бакунин, 1997, с. 43).

² По данным губернатора А.П. Волынского – 757 человек (Материалы по истории..., 1935, с. 183). Эту же цифру называет и В.М. Бакунин (Бакунин, 1995, с. 43).

³ По замечанию англичанина Джона Кэстля (художника «Оренбургской экспедиции» И.К. Кирилова), посетившего кочевья Младшего жуза хана Абулхаира в 1735–1737 гг., то есть через 11 лет после Узенинской битвы: «Оборона или нападение у казахов не являлись всенародным делом. В походах участвуют мужчины и, в первую очередь, молодежь... На войне молодежью обычно командуют старшины, выполняя приказы хана».

⁴ Впоследствии данную практику переняли многие ближние и дальние соседи монголов и ойратов – казахи, киргизы, каракалпаки, жители Восточного Туркестана, уральские и донские казаки и др.

⁵ Согласно В.М. Бакунину: «...пушки у Доржи Назарова были самые малые, которые они возят без станков на верблюдах» (Бакунин, 1997, с. 43).

⁶ Несмотря на нехватку воинских сил, губернатор Волынский, в ответ на просьбу Доржи-Назарова прислать «пушек и несколько войск российских», «поиграл мускулами», переправив на луговой берег Волги драгунские подразделения. Российские драгуны не приняли участие в Узенинской битве, но, благодаря предпринятой военной

демонстрации, прозорливый губернатор «через то не токмо здешний интерес соблюл, но и от Доржи-Назарова после получил благодарение» (Бакунин, 1997, с. 43).

Аннотация

В статье проанализировано сражение калмыцких войск с казахско-каракалпакским отрядом И. Кулубая в урочище Узени, которое стало основным событием военной кампании 1724 г. На основании комплексного анализа вещественных, изобразительных и письменных источников выявлены численность, состав и вооружение противоборствующих сторон, реконструированы основные этапы битвы. Установлено, что Узенинское сражение стало первым боевым столкновением, в котором калмыки применили артиллерию собственного производства. Автор приходит к выводу, что данная битва оказала существенное влияние на дальнейший ход Казахско-калмыцкой войны 20-х гг. XVIII в.

Ключевые слова: Волжско-Уральское междуречье, казахи, калмыки, сражение, военное искусство кочевников, вооружение кочевников.

Summary

The battle of Kalmyk troops against I. Kolybay's Kazakh-Karakalpak squad in Uzeni stow is analyzed in the article. The battle has appeared to be the main event of 1724 military company. The main stages of the battle are reconstructed in the article based on the comprehensive analysis of material, visual and written sources, as well as number, composition (staff, personnel), equipment and armament of the opposing parties. The author outlines that Uzeni battle became the first battle in which Kalmyks had used self-made artillery. The author makes a conclusion that this battle made a profound impact on the future course of the war between Kalmyks and Kazakhs in the 20-s of the XVIII century.

Keywords: Volga-Ural interfluve, Kazakhs, Kalmyks, battle, military art of nomads, nomadic armament.